

ДРЕВНЯЯ ГАЛЛИЯ

(Обзор послевоенной буржуазной историографии)

История Галлии до-римской и римской всегда привлекала исследователей. По ее археологии и истории существуют многочисленные капитальные труды, и все-таки за последние послевоенные годы продолжают выходить новые посвященные ей работы. Продолжает обсуждаться вопрос, было ли для Галлии благом или злом римское завоевание, было ли оно необходимо, которой нельзя было избежать, и какие причины сделали его возможным. В предыдущем обзоре, посвященном освещению деятельности Цезаря и Цицерона² в современной буржуазной литературе, я пыталась показать, как используются на Западе история падения Римской республики и характеристики деятелей того бурного времени для пропаганды политических взглядов авторов — будь то историки-профессионалы или дилетанты; как обострение всех противоречий заставило античников Америки и Европы отказаться от маски объективизма, которую так охотно носили их предшественники. В не меньшей степени это можно проследить и на работах по истории Галлии. Написанные под сильным влиянием событий последней войны, они отличаются чрезвычайно эмоциональным, если так можно выразиться, подходом к материалу, фактам, источникам, историческим личностям; поворотным пунктом в истории Средиземноморья, Европы и даже мира провозглашается битва при Алезии: центральными, роковыми, символическими фигурами этой истории — Цезарь и Верцингеториг. Но оценка как событий, так и лиц у различных авторов диаметрально противоположна.

Одним из этих авторов является отставной американский полковник Брэдди³. Для него Цезарь — идеал полководца, государственного деятеля, воплощение гения и справедливости, политической мудрости и гуманности. Он отвергает все известия о жестокости своего героя, проявленной при подавлении сопротивления галлов. Цезарь жестоко расправился с венетами? Но нельзя же допускать мятежей в покоренной стране (стр. 64)! Он коварно напал на узипетов и тенктеров и бесчеловечно истребил их? Но в этом обвинял его в древности его личный враг Катон, а из современных историков — те, которые не понимают, что поступать таким образом с германцами во

¹ Согласно античной традиции, Исократ уморил себя голодом после победы Филиппа при Херонее.

² См. ВДИ, № 3, 1950, стр. 152—160.

³ S. G. Brady, Caesar's Gallic campaigns, Harrisburg, 1947.

все времена и при всех обстоятельствах совершенно необходимо (стр. 70). Рейн стал при Цезаре и остался до сих пор рубежом, отделяющим цивилизацию от варварства, подаром «теперь все американцы знают, что наша граница проходит по Рейну» (стр. 99). Цезарь спас античную цивилизацию от варваров Ариовиста и заложил основы культуры современной Франции. Только такие, похожие на Муссолини (?) хвастуны, как Амбиориг, могли восставать против благодетельной власти Рима (стр. 83), тогда как такой великий человек, как апостол Павел, с гордостью называл себя римским гражданином (стр. 93). Американский панегирист римского империализма, очевидно, «забывает», при каких критических обстоятельствах апостол Павел сослан на свое римское гражданство; иначе он не мог бы обойти молчанием тот факт, что векий подданный Рима мог стать безнаказанно жертвой любого насилия. Все военные операции Цезаря в Галлии Брэди считает гениальными; он отрицает даже его поражение при Герговии (стр. 144). Правда, автор не может не отдать должного военным способностям, патриотизму и благородству Верцингеторига, но он все-таки радуется исходу битвы при Алезии, которую называет одной из решающих в истории (стр. 174). Он считает, что победа Цезаря не только спасла античную цивилизацию от германцев и распространила ее на Галлию, но и дала возможность Цезарю, «освободив Рим от тирании олигархии», ослативить империю миром и процветанием и, наконец, завещать человечеству идеал великого государства и великого правителя (стр. 180). Конечно, все эти рассуждения не заслуживают даже критики; уже фраза о «нашей границе на Рейне» достаточно обличает их смысл.

Совершенно другой характер носят французские работы на ту же тему. Одна из них, написанная Ло, охватывает период от 1000 г. до н. э. до 1000 г. н. э.¹ Автор считает своей задачей показать среднему французу, что предками его были не франки, не римляне, к которым он склонен себя возводить, а кельты. Он жалуется на то, что даже интеллигентные французы игнорируют свое славное далекое прошлое, что они забывают о своей кельтской крови, которая, однако, постоянно дает себя знать в лучших чертах их характера, в их «революциях политических и эстетических» (стр. 263). Автор начинает с подробного очерка независимой Галлии, ее экономики, социального и политического строя. Большую роль он отводит существованию дружины при аристократических вождях и широкому развитию клиентелы (стр. 73). В этом он видит прообраз феодальной Франции X—XII вв., причем считает, что социальный строй Галлии I в. до н. э., так же как и средневековой Франции, обусловливается специфическими особенностями кельтского характера, оставшегося неизменным, несмотря ни на какие последующие завоевания и напластования (стр. 74 и 240). Единственную особенность независимой Галлии I в. до н. э. он видит в аристократическом образе правления и уничтожении монархии, без которой немислим феодализм. С точки зрения абсолютной ценности кельтского характера, он рассматривает поражение при Алезии как самую большую катастрофу в истории Франции. Если бы Ариовист даже захватил Галлию, то это не могло бы оказаться таким роковым, поскольку государство германцев, вероятно, не было бы прочным и распалось бы со смертью их энергичного вождя (стр. 109). Между тем подчинение Риму убило в галлах душу, воспоминание о былой славе и даже язык. Они утратили свои традиции, чувство национальной преемственности, которое сохранилось у германцев и славян. Их нерасцветшая культура была задумана; между тем, развившись, она бы оставила позади себя все, созданное другими «варварами» (стр. 171). Это несчастье было обусловлено целым рядом причин: отсутствием политического единства, борьбой племен за гегемонию, борьбой партий, раздорами среди знати и порабощением народа (стр. 173), утратой веры в себя, уверенностью и непобедимости Рима и разлагающим восхищением римской цивилизацией, наконец, тем, что порабощенный народ утратил былую воинственность, которую сохранила только немногочисленная аристократическая конница, неспособностью к партизанской борьбе, необходимость которой до конца понимал только Верцингеториг, превосходством военной тактики римлян и даже их численным перевесом (стр. 174 —

¹ P. Lot, *La Gaule*, P., 1947.

180). Чтобы доказать последнее, Ло отвергает все известия Цезаря о численности войск галльских племен, объявляя эти данные чрезвычайно преувеличенными. Говоря об отсутствии политического единства, Ло старается показать, что сознание кельтской общности и кельтский патриотизм были присущи галлам, так же как грекам чувство эллинского единства. Этот кельтский патриотизм сумел разбудить Верцингеториг, «первый и величайший из французов» (стр. 189). Автор не отрицает, что главной движущей силой последней борьбы за независимость был народ, но считает, что в «скрытой форме» патриотизм был присущ и знати. Подтверждение тому он видит в последующих движениях Флора и Сакровира, Мариккоса, Классика, Тутора и Сабина (стр. 225—230), хотя и этих романизированных галльских аристократов поддерживал именно народ. Но с середины I в. н. э. Галлия становится окончательно римской, даже императоры III в.— Постум и другие — не были «галльскими» императорами, они только хотели защитить от варваров Римскую империю, которую подтачивал кризис, вызванный отсутствием конституции и закона о престолонаследии (стр. 313—321). Ло считает, что благодаря римскому завоеванию Галлия, несомненно, получила мир и обусловленное им экономическое процветание, но она заплатила за это слишком дорогой ценой: утратой политической свободы, подавлением национального характера и заменой национальных традиций чуждыми, римскими (стр. 263—306).

Такое же обостренное национальное чувство характерно и для двух других книг, лавной темой которых являются галльские войны Цезаря. Автор одной из них¹ настолько же ненавидит Цезаря, насколько обожает его американец Брэди. Кэнп называет его творцом, представителем и символом авторитарного национализма, символом диктатуры и грубой силы, поработавшей народом (стр. 94). Ему он противопоставляет своего героя, гельвета Дивикона. Без достаточной мотивировки автор утверждает, что Цезарь не был автором «Записок о Галльской войне», и на этом основании реконструирует многие сцены и подробности, исходя из своего понимания характера действующих лиц и обстановки, например, сцену свидания свободолюбивого галла Дивикона с самовластным тираном Цезарем (стр. 106). Он считает, что Дивикон сплотил гельветов в сильную нацию и заключил союз с секванами и эдуями для объединения Галлии — «союз, который Цезарь называет заговором, но который был более законен, чем его триумvirат» (стр. 79). Дивикон проявил себя гениальным полководцем, с которым не мог сравниться Цезарь. В битве с гельветами римские легионы понесли большие потери, а гельветы с почетом вернулись на прежнюю территорию (стр. 124—129). Так разгром гельветов превращается почти в победу. Также и последующие действия галлов автор старается представить победоносными; так, например, он считает, что Сервий Гальба был разбит во время кампании против нантуатов, седунов и других племен (стр. 146).

В этой части своей работы автор совершенно пренебрегает социальными моментами, которые для него вытесняются национальными. Мало того, характеризуя предшествовавшие галльским войнам взаимоотношения Рима с кельтами и германцами, он совершает грубейшую ошибку, заявляя, что восстание Спартака было борьбой не классовой, а национальной, что оно было последней битвой, данной Риму побежденными при Аквах Секетиях и Верцеллах (стр. 75).

Более верно изображает автор борьбу Цезаря с Верцингеторигом. Он отмечает его роль как вождя народной партии арвернов, а затем и всей Галлии и очень тонко замечает, что после его победы при Герговии галльская знать должна была выбрать между «вождем арвернской черни» и Цезарем, который, несмотря на весь свой «показной марианизм» в Риме, презирал бедных и обездоленных сторонников галльского вождя. Галльская знать боялась Верцингеторига и в душе склонялась к Цезарю, хотя Цезарь пришел поработить чужую страну, а Верцингеториг защищал свою родину и свой народ (стр. 162—174). Это и обусловило поражение галлов в битве при Алезии, которую автор считает гораздо более важной для мировой истории, чем Фарсальскую битву (стр. 176).

¹ A. Quinche, *Les Helvètes. Divico contre César*, P., 1948.

Другая книга, принадлежащая перу старого исследователя истории галльских войн, Коломба, задумана как биография Верцингеторига¹, но автор дает ее на фоне подробного очерка положения Галлии в I в. до н. э. Охарактеризовав политические и торговые связи Галлии с Италией, борьбу партий и племен, социальное расслоение, автор приходит к выводу, что обстановка созрела к захвату страны смелым и ловким авантюристом (стр. 42). Таким оказался Цезарь, знавший обо всем через Дивитиака. «Грязные махинации триумвиров», интриги Помпея и алчность Красса расчистили будущему тирану путь к Галлии и к власти (стр. 46). Коломб с негодованием восстает против тех, кто видит в палаче Галлии «апостола гуманности». Один из них, — пишет Коломб, — в серии выступлений по радио в марте 1942 г., «в своем пылом преклонении перед монархическим принципом осмеливался выставлять этого бесстыдного развратника предшественником Христа» (стр. 48). Негодование, вполне понятное в человеке, писавшем вскоре после конца немецкой оккупации и падения вишйского режима. Коломб отрицает даже военные таланты Цезаря, считая его гением только в деле интриги. Это по его прояскам его «марионетка» и «агент пятой колонны в стране эдуев» Дивитиак принес жалобы на грабежи гельветов и организовал делегацию к Цезарю с просьбой о помощи против Ариовиста, чем «предал ему Галлию, связанную по рукам и по ногам» (стр. 67). Вообще автор сильно преувеличивает роль отдельных лиц. Так, он считает, что личное обаяние Цезаря заставило галльских вождей перейти на его сторону, а гнусная деятельность Дивитиака окончательно ввергла их в рабство. Конечно, Цезарь был умный политик, а Дивитиак активный романофил, но почва для них была подготовлена острой борьбой аристократии с народом, которую автор сам же прекрасно охарактеризовал, но затем оставил в стороне, увлекшись своей ненавистью к Цезарю и Дивитиаку. Коломб показывает, как притеснения Цезаря, его коварное нападение на узипетов и тенктеров, совершенное с единственной целью «потешить римский плебс новыми гладиаторами», а затем оныт восстания успешно ускользнувшего от римлян эбулона Амбиорига привели галлов к восстанию и доказали им, что оно может стать успешным только при применении партизанской тактики. Тогда на сцену выступил Верцингеториг. Коломб изображает его юношей, почти мальчиком, а не суровым воином, каким тот остался в традиции. Он старается доказать, что Верцингеториг действовал не самостоятельно, а как воспитанник и ставленник друидов, подготовивших и организовавших восстание. По мнению Коломба, друиды были единственной силой, способной сплотить галлов, обеспечить полную тайну, научить будущего вождя, как обмануть и «очаровать» Цезаря, поступив к нему на службу и добившись разрешения захватить царскую власть у арвернов. Только авторитет религии мог обеспечить юноше всеобщую поддержку. Его судьба была подобна судьбе Жанны д'Арк: как и она, он начал с благочестивого обмана; как и она, он, преданный, погиб за родину (стр. 97, 106—107).

Нет ничего невероятного в том, что друиды участвовали в восстании; это предполагает и Ло (хотя непонятно, почему бы об этом мог умолчать Цезарь), но Коломб слишком увлекается своей гипотезой. В подтверждение ее он, например, приводит тот факт, что карнуты, на территории которых был центр друидизма, после начала восстания перебили римлян; это они могли будто бы сделать лишь под влиянием друидов, ожесточившихся от привычки к человеческим жертвоприношениям. Но с избития захватчиков начинали не одни карнуты, а и многие другие борцы против завоевателей разных стран и эпох. Коломб пишет, что друиды, стараясь втянуть эдуев в восстание, заставили замолчать бывшего также друидом Дивитиака, который больше не упоминается Цезарем, но сам же указывает, что друиды при выборах вергобрета у эдуев способствовали успеху кандидата романофильской, аристократической партии (стр. 175). Гораздо более, чем гипотеза Коломба, соответствует истине и подтверждается самим Цезарем мнение, что Верцингеторига поддерживала враждебная Риму народная партия.

Большое внимание уделяет автор вопросу о локализации Алезии, которая, по его мнению, находилась не на месте современной деревни Ализ-Сент-Рен, а в дубских горах,

¹ G. C o l o m b e, Vercingetorix, P., 1947.

в области племени мандубиев, где теперь расположена маленькая деревушка Ализа (стр. 229). В соответствии с этим он считает, что битва, предшествовавшая осаде Алезии, произошла на левом берегу Саоны, в стране секванов, причем поражение галлам было нанесено германской конницей Цезаря (стр. 227). Книга заканчивается детальнейшим описанием осады и взятия Алезии.

В новом издании книги Гренье о галлах¹, посвященной независимой Галлии, войнам Галлии с Римом уделено немного места, но некоторые его предположения и наблюдения очень интересны. Он занимает гораздо более умеренную позицию, чем Ло, указывая, что ни французы, ни даже галлы времен Цезаря не были «чистой расой» и явились лишь одной из составных частей при формировании французской нации (стр. 20). Однако он не соглашается с Фюстель де Куланжем, отрицавшим у галлов чувство единства и патриотизма (стр. 171). Патриотизм их сказался в том отвращении, которое они испытывали к захватчикам, германцам и римлянам, в попытках к объединению, в друидизме, наконец, в восстании Верцингеторига (стр. 172—175). Характеризуя социальный строй галлов I в. до н. э., Гренье, так же как и Ло, уделяет большое внимание развитию клиентелы, взаимоотношениям аристократии с зависимым от нее населением, но, в отличие от Ло, он указывает, что все эти явления не были исключительно присущи кельтам и не предвосхищали феодализма. Он показывает, что такой же строй был свойственен ранней Греции и Риму, а также другим народам на соответственной ступени развития (стр. 180). Интересно его замечание, что Рим сохранил то положение, которое застал, сохранив и крупное землевладение, и клиентелу, и вергобретов, ставших магистратами, и аристократию, превратившуюся в декурионов (стр. 184). Гренье подробно характеризует сельское хозяйство, ремесло, торговые связи, искусство и религию галлов, считая, что они достигли уже довольно высокой ступени развития. Торговые связи с Римом повели за собой и политические. Кое-кому римляне казались защитниками от Ариовиста и вступившего с ним в союз дакийского царя Биребисты (стр. 380). Но главными сторонниками Рима были аристократы, от имени которых Дивитиак пытался заинтересовать судьбой Галлии Цидерона, Цезаря и других влиятельных римлян. Дивитиак и его партия боялись, что народ выступит против олигархии, провозгласив монархию. Гренье отмечает, что к монархии стремился не только брат Дивитиака Думнориг, но и вождь гельветов Оргеториг, который именно для укрепления своей власти уговорил гельветов начать передвижение. Оргеториг рассчитывал установить царскую власть и у остальных галльских племен. Для борьбы с этим движением Дивитиак призвал Цезаря (стр. 382—383). Гренье считает, что Цезарь и Ариовист были для Галлии равным злом. Причины поражения Галлии автор видит главным образом в ее военной отсталости, обусловленной отсталостью социальной. Наряду с некоторыми нововведениями в вооружении, галлы сохраняли еще много «варварского» в своей тактике, они не были способны к партизанской войне, сражались массами и при поражении быстро отчаивались, считая, что их покинули боги. «Цивилизовавшись, — пишет Гренье, — они утратили воинственность, не научившись еще военному искусству» (стр. 189—204). Но результаты этого поражения Гренье оценивает не так пессимистически, как Ло. Галльская культура не погибла; она была только временно приглушена римской, но снова возродилась, когда империя стала слабеть. Романизировалась только знать, народ, особенно сельский, сохранил галльские обычаи, религию, многое из кельтского языка, искусство (стр. 295 и 414). Наблюдение это, как мне кажется, крайне интересно. Оно, между прочим, объясняет и тот считавшийся многими историками загадочным факт, что в III в., после упадка галльской керамики, воспроизводившей арретинскую, снова появляется керамика старого, доримского образца. Иногда это считалось признаком «варваризации» империи. Но работа Гренье позволяет заключить, что галльская культура продолжала сохраняться в широких сельских массах и стала оживать, когда село снова стало приобретать перевес над городом.

Небольшая научно-популярная книга Тевено посвящена римской Галлии². Автор

¹ A. Grenier, *Les Gaulois*, P., 1945.

² E. Thevenot, *Les gallo-romains*, P., 1948.

ее, в противоположность Гренье, считает, что эта провинция была романизована целиком и полностью, и притом совершенно безболезненно. По естественному ходу вещей «высшей цивилизации» поддалась сперва знать, затем горожане и, наконец, сельское население» (стр. 13). Всеобщее процветание и обогащение не оставили места сожалению о прошлом (стр. 15). Восстания I в., которым Ло придает такое большое значение, как показателям живучести галльского патриотизма, он считает эпизодическими и незначительными (стр. 16). Все были довольны. Магистраты были щедры и богаты (стр. 21); народ не был обременен ни излишними податями, ни тяжелой воинской повинностью (стр. 26—29). Купцы были довольны увеличением рырка, сельское население осталось в привычной зависимости от крупных землевладельцев (стр. 32). Археологические раскопки показывают, как систематически велось земледелие населением многочисленных вилл, разбросанных на территории средних и больших имений (стр. 38); керамика говорит о высоком развитии ремесла. Тевено описывает галльские города, наиболее замечательные сооружения, храмы, театры, арки, акведуки, термы. Галлы богатели и просвещались. В семьях, говорит он, судя по эпитафиям, царил взаимная любовь, рабы благоденствовали, так как в надписях они приносят благодарности господам и патронам (стр. 84). Умозаключение, кстати сказать, поразительное по своей наивности. Коллегии процветали и «удовлетворяли потребность своих членов в идеале» (?) (стр. 85).

При таком взгляде на положение Галлии автор считает совершенно необъяснимым тот факт, о котором я только что упоминала, а именно оживление галльских традиций в III в. и живучесть галльской религии. Непонятен ему и упадок III в. Главной причиной его он считает инфляцию (стр. 100), а кроме того, распущенность «варваризированной» армии, грабежи разбойников и войны с варварами (стр. 101). Только Диоклетиан внес успокоение, разгромив и варваров, и разбойников. В общем автор высоко оценивает роль Рима в Галлии. Будучи независимой, Галлия подготовила базу для прогресса, но умное управление римлян ускорило его чрезвычайно, выявив и пустив в ход все ресурсы страны (стр. 124).

Можно еще упомянуть маленькую книжечку, озаглавленную «Роль женщины в истории Галлии»¹. Автор — сама женщина и доктор прав, ставит своей целью показать, что до сих пор мужчины, писавшие историю, недооценивали роль женщины. О них писали только как о королевах и куртизанках, не замечая, что они часто значили неизмеримо больше. Для доказательств автор пересказывает историю всех упомянутых в источниках галльских женщин, начиная от легендарной дочери лигурийского царя Нана Аристоксены, выбравшей в мужа будущего основателя Марсея, грека Протиса, и кончая Викторией (матерью галльского императора III в. Викторина), которую она считает чуть ли не спасительницей Галлии, а может быть, и Рима. Однако в книге есть и кое-что заслуживающее внимания: интересна попытка выяснить по надписям степень участия женщин Галлии в муниципальной жизни, в ремесле, торговле, медицине (женщины — врачи и повивальные бабки), в восточных культах.

* * *

Все рассмотренные книги имеют некоторые общие черты: они в большей или меньшей степени являются реакцией на культ Цезаря-завоевателя и космополитической цивилизации Рима, воспринятый и усиленный фашистами Италии и Германии и продолжаемый американцами типа вышеупомянутого полковника Брэди. За исключением Тевено, все авторы считают, что завоевание Галлии Римом было скорее отрицательным, чем положительным явлением, хотя одни это выражают более, а другие — менее резко. В ряде случаев эта позиция заставляет их переоценивать национальный фактор за счет социального. Особенно ярко это видно в работе Ло, готового все события и явления как далекого, так и близкого прошлого Франции объяснять особенностями кельтского характера, который он склонен превозносить за счет других народов. Как мы видели, он отождествляет социальный строй Галлии I в. до н. э. с французским феодализмом и приписывает и тот и другой только национальным особенностям. Такую же переоценку национального момента мы видим у Кэпша и Коломба.

¹ M. L e h m a n n, Le rôle de la femme dans l'histoire de la Gaule, P., 1945.

При этом несомненной заслугой авторов разобранных работ надо признать, что они все-таки не отказываются от попытки разобраться в классовой борьбе, кипевшей в Галлии накануне ее завоевания, и показывают, как узкие классовые интересы аристократии помогли Цезарю укрепиться в этой стране. Особенно много дает в этом смысле работа Гренье. К сожалению, те из авторов, которые излагают историю Галлии после ее завоевания, совершенно игнорируют классовую борьбу. Для Ло внутренние движения теряют интерес после I в. н. э., когда, по его мнению, угас национальный кельтский дух и выступления за национальную независимость стали невозможны. О багдаухах он даже не упоминает. Тевено мимоходом говорит о них как о «грабителях». Такое игнорирование классовой борьбы лишает этих исследователей возможности понять кризис III в., так ярко отразившийся в Галлии. Для них это какое-то почти случайное явление, вызванное то ли инфляцией, то ли отсутствием конституции. Возникновение галльской империи III в. они, в согласии с традицией, объясняют неспособностью Галлиена защитить империю от варваров. Как только на престоле оказался энергичный Аврелиан, галлы охотно вернулись в лоно Римской империи. Такие объяснения событий нас, конечно, удовлетворить не могут.

Важным недостатком является свободное обращение с источниками у ряда авторов. Наряду со слепым доверием к каждому рассказу античных писателей о легендарных галльских героинях и к каждому слову надписей, сооружавшихся магистратами в честь императоров, горожанами в честь магистратов и рабами в честь господ, как это имеет место в книгах Леман и Тевено, мы видим, как Кэнш совершенно бездоказательно отвергает комментарии Цезаря, Ло отвергает все приводимые им цифровые данные, Коломб — многие географические. На этом основании Кэнш доказывает исключительное благородство Дивикона, Ло — численное превосходство римлян над галлами, Коломб — лживость утверждений Цезаря об опасности вторжения гельветов. Субъективные мотивы авторов, понятно, не могут оправдать таких методов исторического исследования.

Е. М. Штаерман